

заботы. Присяжные тоже неспособны разобраться въ преступной душѣ, да и какъ имъ разобраться, если среди нихъ именно и сидятъ дѣйствительные виновники преступлений.

Не судите, да не судимы будете,—вотъ евангельскій завѣтъ, которому должно слѣдовать по мнѣнію Толстого. Въ этомъ отношеніи анархизмъ Толстого идетъ дальше анархизма многихъ европейскихъ анархистовъ. Большинство изъ нихъ, даже Кропоткинъ, мириятся съ необходимостью насилия по отношению къ преступникамъ. Пусть они будутъ заключаемы не въ тюрьмы, а въ особья лечебницы,—суть дѣла отъ этого не измѣнится: все равно ихъ будутъ запирать, держать подъ надзоромъ, подчинять особому режиму посредствомъ мѣръ принужденія и насилия.

Толстой, исходя изъ абсолютнаго неосужденія, не признаетъ, очевидно, и мѣръ противъ преступниковъ; исчезаетъ самое название преступника... Но не исчезнутъ, конечно, преступленія...

III.

Какія же мѣры рекомендуетъ Толстой для осуществленія своей программы?—Всѣ, вытекающія изъ программы, непротивлѣнія злу. „Христіанское ученіе, пишетъ Толстой, — не предписываетъ людямъ никакихъ законовъ; оно не говоритъ людямъ: слѣдуйте всѣ подъ страхомъ наказанія такимъ и такимъ-то правиламъ, и вы всѣ будете счастливы, а объясняетъ каждому отдельному человѣку его положеніе въ мірѣ и показываетъ ему то, что для него лично неизбѣжно вытекаетъ изъ его положенія. Христіанское ученіе говорить человѣку, каждому человѣку, что жизнь его, если онъ признаетъ свою жизнь своею и цѣлью ея—мірское благо своей личности или личностей другихъ людей, не можетъ имѣть никакого разумнаго смысла... Разумный смыслъ жизни получаетъ только тогда, когда человѣкъ понимаетъ, что призваніе своей жизни своею, и цѣлью ея—мірское благо личности, своей или другихъ людей, есть заблужденіе, а что жизнь человѣка принадлежитъ не ему, получившему жизнь отъ кого-то, а тому, кто произвелъ эту жизнь, а потому и цѣль ея должна состоять не въ достижениіи блага своего или другихъ людей, а только въ исполненіи воли Того, Кто произвелъ ее... Человѣкъ христіанского пониманія не только знаетъ то, какъ ему надо поступать въ жизни, но знаетъ и то, что ему надо дѣлать. Ему надо дѣлать то, что содѣйствуетъ установленію царства Божія на земли”... то есть служить всегда и во всемъ добру. Поэтому то истинный христіанинъ не убьетъ даже разбойника, собирающагося умертвить неповиннаго младенца: „вѣдь убивая разбойника, онъ убиваетъ навѣрное, а не знаетъ еще навѣрное до послѣдней минуты, убилъ-ли бы